ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ США С РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ / СССР / ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИЕЙ КАК АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ XXI В.

В.И. Журавлёва

Статья посвящена современным тенденциям в изучении истории российско-американских отношений с конца XVIII в. до начала XXI в. Автор видит свою задачу в том, чтобы представить основные монографические исследования по данной проблематике, обратить внимание на многообразие жанров и теоретико-методологических подходов, получивших развитие в российской и американской историографии XXI в., а также обозначить перспективы изучения и преподавания истории двусторонних отношений. Его внимание сосредоточено на характеристике различных способов вопрошания исторического прошлого, поскольку в современной исторической науке от этого, а не только от введения в научный оборот новых архивных источников, зависит получение новых знаний.

Ключевые слова: российско-американские отношения, советско-американские отношения, историография, методология, имагология, русистика в США, американистика в России

The article is devoted to the contemporary trends in the study of Russian-American relations from the 18th century until now. The author focuses her attention on the key works within this scholarly field as well as a variety of genres and methodological frames represented in the U.S. and Russian historiographies of the 21st century. She also discusses prospects in studying and teaching the historical past of the bilateral relations in correlation with the different methods of dialogue with it. The author argues that in modern

Журавлёва Виктория Ивановна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой американских исследований факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного института. ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ).

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00482, «Трансформации идей превосходства на Западе и в России в конце XIX — начале XXI в.».

historical science, the forms of dialogue with history along with new primary sources determines the formation of a new kind of knowledge.

Key words: Russian-American relations, Soviet-American relations, historiography, methodology, imagology, Russian Studies in the U.S., American Studies in Russia

DOI: 10.32608/1010-5557-2021-2021-195-219

История российско-американских отношений продолжает оставаться в фокусе внимания исследователей по обе стороны Атлантики, активно развиваясь в США в рамках русистики, а в России в рамках американистики. Использование новых теоретико-методологических подходов, развитие международного академического диалога, появление многочисленных интернет-архивов, оцифрованных коллекций периодических изданий, а также визуальных источников разных жанров и эпох открывает перед исследователями возможность не только расширения источниковой базы, но и для новых интерпретаций исторического прошлого.

Автор видит свою задачу в том, чтобы: во-первых, представить основные тенденции написания этой истории учеными двух стран на примере конкретных монографических исследований, как обобщающих, так и посвященных различным периодам; во-вторых, обратить внимание на многообразие жанров и теоретико-методологических подходов, получивших развитие в рамках российской и американской историографии; в-третьих, обозначить перспективы изучения истории двусторонних отношений в нынешнем столетии.

Авторы обобщающих монографий последних десятилетий создают комплексные исследования, в которых представлены различные измерения межгосударственных и международных отношений или прописывают сквозные сюжеты. Важное влияние на изучение истории двусторонних отношений оказали обобщающие труды Н. Сола, Д. Энгермана и Д. Фоглесонга, опубликованные в XXI в.

Н. Сол по праву считается в США мэтром в данной области. Вышедшие из-под его пера четыре тома, посвященные историческому прошлому взаимоотношений царской / советской России и США, охватывают период с 1763 по 1941 г. и их значение трудно переоценить, учитывая объем использованных первоисточников, комплексный подход и профессионализм в прописывании исторического нарратива. Без этой своеобразной многотомной «энциклопедии» истории российско-американских отношений, изобилующей цитатами и идеями,

населенной огромным количеством действующих лиц, известных и не очень, невозможно представить ее современное изучение¹.

В свою очередь, работы Д. Энгермана и Д. Фоглесонга нацелены на рассмотрение эволюции образа России в США в длительном временном диапазоне с акцентом на его отдельные составляющие и на период после 1917 г. Внимание Д. Энгермана обращено на рассмотрение трех факторов, которые, по его мнению, оказывали основное влияние на восприятие России в США, начиная с XIX в.: во-первых, стереотипы, связанные с представлением о национальном характере русских, из чего проистекала уверенность американцев в ограниченных возможностях России вписаться в современный мир и что делало ее отличной от Запада; во-вторых, растущий энтузиазм по поводу модернизации России, сглаживающий различия и противоречия между странами; в-третьих, рост профессионализма среди тех, кто ее изучал по другую сторону Атлантики. Энгерман, следуя избранной им схеме, не стремится рассматривать конкурирующие образы России, в то время как американские интеллектуалы, деятельность и писания которых стали объектом его мастерского анализа, внесли непосредственный вклад в их формирование. Является дискуссионным тезис о том, что представление о модернизации применительно к восприятию России в США сложилось в 1920-е гг.² Как представляется, это произошло еще на рубеже XIX–XX вв., когда американское общество переживало первое масштабное «очарование—разочарование» Россией в связи с очередным этапом ее модернизации.

Д.С. Фоглесонг расширяет наши представления о механизмах формирования и поддержания образов романтического и демонического русского «Другого», принимавшего участие в конструировании американской Я-концепции, о политических, экономических, культурных и религиозных измерениях «новой мессианской идеи» в США, связанной с видением перспектив обновления России и ставшей проекцией внутривнутриполитической ситуации в обществе-наблюдателе. Это исследование о том, как вот уже более века американцы предпринимают попытки экспорта собственных символов политической и религиозной веры, технологических новаций и экономических теорий, достижений массовой культуры, а в отдельном случае и вооруженного вторжения, участвуя в своеобразном «крестовом походе» за модернизацию России, как она выполняет роль «темного двойника» США, участвуя в ревитализации.

¹ *Saul N.E. Distant Friends: The United States and Russia, 1763–1867.* Lawrence (Kans.), 1991; *Idem. Concord and Conflict: The United States and Russia, 1867–1914.* Lawrence (Kans.), 1996; *Idem. War and Revolution: The United States and Russia, 1914–1921.* Lawrence (Kans.), 2001; *Idem. Friends or Foes? The United States and Russia, 1921–1941.* Lawrence (Kans.), 2006.

² *Engerman D.C. Modernization from the Other Shore: American Intellectuals and the Romance of Russian Development.* Cambridge (Mass.); London, 2003.

лизации американского национализма. В книге представлена лишь одна из граней процесса восприятия, что несколько упрощает картину в целом. Однако предложенная Фоглесонгом структура оппозиций («Свет—Тьма», «Цивилизация—Варварство», «Современность—Средневековье», «Демократия—Авторитаризм», «Свобода—Рабство», «Запад—Азия / Восток») полезна для осмысления долгосрочных трендов восприятия России в США, препятствующих оценке реалий и перспектив ее развития, будь то царская, советская или постсоветская Россия³.

Среди монографий культурологического плана, выводящих нас в пространство имагологии российско-американских отношений через анализ взаимодействия культур, особое место занимает книга А. Эткинда. Через анализ травелогов, понимаемых как путешествия не только пространственные, но и временные, автор показывает, какую роль для русской / американской культур играл, соответственно, американский / русский «Другой» в длительном временном диапазоне, и делает ряд ценных наблюдений, значимых для понимания долгосрочных взаимных мифов. Например, он впервые использует термин «ориентализм» Э. Саида для описания отношений США / Запада с Россией. Правда, тезис Эткинда о том, что ориенталистский способ любить и понимать Россию не менялся десятилетиями, нуждается в уточнении. Американские русофилы никогда не были законченными ориенталистами. Кроме того, ориентализм играл разную роль в консервативно-русофобском, либерально-универсалистском и русофильском дискурсах. Поэтому, подобно Эткинду, не стоит игнорировать идеологические предпочтения американских ориенталистов. Не стоит забывать, что автор не стремился рассмотреть все аспекты взаимовосприятия, сосредоточив внимание на изучение соблазна «Другого», значимого для понимания собственной культуры. Объектом его анализа становились тексты, рожденные историей и не обязательно ей верные, в которых проступало сослагательное наклонение, незнакомое самой истории, и в которых она, порой, воображалась отличной от реальности. Толкование этих «воображений» стало главной задачей Эткинда, превращая его собственный текст в завораживающее повествование о «культурных зеркалах». Это исследование с его установкой на параллельное чтение двух культур, биографий и текстов их представителей уже стало классикой имагологии российско-американских отношений по охвату материала, по умению соединять избранную схему и нарратив, факты и теоретические выкладки⁴.

³ *Foglesong D.S.* The American Mission and the «Evil Empire»: The Crusade for a «Free Russia» since 1881. Cambridge, 2007.

⁴ *Эткунд А.* Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М., 2001.

Одним из заметных обобщающих имагологических исследований, вышедших в России в XXI в., стала книга В.О. Рукавишников. В ней представлена эволюция образа СССР / постсоветской России с привлечением не только прессы и социологических опросов, но также кинематографических текстов, художественной литературы и карикатуристики, правда, последней в качестве иллюстрации, а не источника. Книга ориентирована на выявление роли общественного мнения в процессе формирования внешней политики США, на анализ его динамики с учетом конкретных особенностей ситуации, сложившейся в мире, задач внутривластной борьбы и ценностного конфликта. Следуя устоявшейся в историографии схеме, автор ведет отсчет долгосрочных трендов восприятия только с советского периода. Это не позволяет Рукавишникову представить более развернутого объяснения того, почему симпатии американцев в советско-финской войне (даже тех «левых», которые до этого СССР поддерживали) оказались на стороне финнов, или провести более глубокий анализ трактовок советского империализма периода «холодной войны» как продолжения традиционной империалистической политики царского правительства, или интерпретировать риторику Р. Рейгана в его знаменитой речи об «Империи зла», выходя за рамки рассуждений о «красном фашизме», или, наконец, выявить исторические прецеденты «крестового похода» американцев за либерализацию России в 1990-х гг.⁵

Обобщающие работы В.Л. Малькова и Э.А. Иваняна свидетельствовали о готовности представителей старшего поколения российских историков-американистов расширять проблематику и методологию исследования, отказавшись от старых объяснительных схем и тематических приоритетов. Первый помещает историю межгосударственных отношений и дипломатии в цивилизационный контекст, его интересует алгоритм взаимодействия России и США в эпохи революций, войн и биполярного противостояния с учетом мироощущения народов двух стран как культурных общностей⁶. Второй предпринял попытку воссоздать историю культурных связей двух стран XIX–XX вв., обобщив периодику, мемуарную и исследовательскую литературу и представив малоизвестные страницы диалога культур⁷.

Наиболее плодотворным подходом представляются совместные публикации ученых двух стран, когда каждая из сторон опирается на знания, накопленные национальной историографией, и вглядыва-

⁵ Рукавишников В.О. Холодная война, холодный мир: общественное мнение в США и Европе о СССР / России, внешней политике и безопасности Запада. М., 2005.

⁶ Мальков В.Л. Россия и США в XX веке: очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. М., 2009.

⁷ Иванян Э.А. Когда говорят музы: история российско-американских культурных связей. М., 2007.

ется в историческое прошлое из собственного социокультурного настоящего. Тем самым, создается пространство для академической дискуссии, в рамках которой формируются новые интерпретации истории российско-американских отношений и уточняется их хронология⁸.

Когда Российская империя и США были «далекими друзьями»

История Русской Америки — места, где русские и американцы вступали во взаимодействие друг с другом и местным населением, реализуя свои имперские проекты, давно изучается по обе стороны Атлантики. Под редакцией Н.Н. Болховитинова в конце 1990-х гг. вышло обобщающее трехтомное издание, посвященное историческому прошлому Русской Америки и деятельности Российско-американской компании (РАК)⁹. Признанными российскими специалистами в данной области, работающими в рамках традиционного описательного подхода, являются санкт-петербургский исследователь А.В. Гринёв, подготовивший на основе своих многолетних изысканий комплексное исследование российской колонизации Аляски в XVIII–XIX вв. (до ее продажи)¹⁰ и издавший специальный энциклопедический словарь-справочник¹¹, московский историк А.Ю. Петров, публикующий как обобщающие работы¹², так и биографии тех людей, чья жизнь оказалась тесно связана с судьбами заокеанской империи России¹³, и кемеровский историк А.Н. Ермолаев¹⁴, расширивший географию изучения деятельности РАК и совместно с А.Ю. Петровым и И.В. Савельевым подготовивший первое учебное пособие по истории Русской Америки¹⁵.

⁸ Foglesong D.S., Kurilla I.I., Zhuravleva V.I. *America and Russia: From Distant Friends to Intimate Enemies* (forthcoming, Cambridge University Press, 2022).

⁹ История Русской Америки (1732–1867): в 3 т. / Под общ. ред. акад. Н.Н. Болховитинова. М., 1997–1999.

¹⁰ Гринев А.В. Аляска под крылом двуглавого орла (русская колонизация Нового Света в контексте отечественной и мировой истории). 2-е изд., испр. и доп. М., 2018 (1-е изд. вышло в 2016 г.); Grinev A.V. *Russian Colonization of Alaska: Preconditions, Discovery, and Initial Development, 1741–1799*. Lincoln (Nebr.), 2018; *Idem*. *Russian Colonization of Alaska: Baranov's Era, 1799–1818*. Lincoln (Nebr.), 2020. В этих книгах представлена наиболее полная на настоящий момент библиография работ по истории Русской Америки.

¹¹ Гринев А.В. Кто есть кто в истории Русской Америки. М., 2009.

¹² Петров А.Ю. Российско-американская компания: деятельность на отечественном и зарубежном рынках (1799–1867). М., 2006.

¹³ Петров А.Ю. Наталия Шелихова у истоков Русской Америки. М., 2012.

¹⁴ Ермолаев А.Н. Российско-американская компания в Сибири и на Дальнем Востоке. Кемерово, 2013.

¹⁵ Петров А.Ю., Ермолаев А.Н., Савельев И.В. История Русской Америки: учеб. пособие. Вологда, 2010.

В США К. Оуэнс подготовил первую научную биографию Главного правителя русских поселений в Северной Америке А.А. Баранова, купца и предпринимателя, администратора и дипломата, вписав ее в экологические, этнографические, социокультурные, экономические и геополитические контексты освоения Русской Америки¹⁶. Л. Фэрроу опубликовала книгу о покупке Аляски Соединенными Штатами с учетом развернутого анализа не только внутривластной ситуации в стране, но и изменений в системе международных отношений¹⁷. Новаторское видение колониального опыта Российской империи в Новом Свете с использованием колониального дискурса и исследовательских практик, наработанных в рамках новой имперской истории, предложил И. Виньковецкий¹⁸.

Лучшим исследованием, посвященным *российско-американским отношениям первой половины XIX в.* и вышедшим в нынешнем столетии, остается монография И.И. Куриллы. Написанная с учетом социокультурного подхода, она нацеливает на многомерное видение взаимоотношений двух стран в 1830–1850-е гг. и не сводится к традиционной истории дипломатии¹⁹.

В изучении *периода 1860–1870-х гг.* в последнее десятилетие обозначились новые тематические приоритеты, позволяющие исследователям осуществлять реконтекстуализацию исторического прошлого, всматриваясь в него сквозь призму микросюжетов и коллективных биографий, сотканных из портретов людей одной профессиональной корпорации. Ярким примером первого направления стала книга американской исследовательницы Л. Фэрроу, которой удалось сквозь призму путешествия царевича Алексея в США в 1871–1872 гг. высветить все многообразие отношений между странами и народами в то время, когда действовало «уравнение российско-американской дружбы»²⁰. Второе тематическое направление представлено книгой санкт-петербургского историка В.В. Носкова. Она посвящена повседневной жизни и деятельности американских дипломатов в столице Российской империи, став новаторской по своему замыслу и исполнению. Автор, работая на стыке истории российско-американских отноше-

¹⁶ Owens K.N. (with Petrov A.Iu.). Empire Maker: Aleksandr Baranov and Russian Colonial Expansion into Alaska and Northern California. Seattle; London, 2015.

¹⁷ Farrow L.A. Seward's Folly: A New Look at the Alaska Purchase. Fairbanks (Alaska), 2016.

¹⁸ Vinkovetsky I. Russian America: An Overseas Colony of a Continental Empire, 1804–1867. N.Y., 2011. Издание этой книги на русском языке см.: Виньковецкий И. Русская Америка: заокеанская колония континентальной империи, 1804–1867. М., 2015.

¹⁹ Курилла И.И. Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830–1850-е годы. Волгоград, 2005.

²⁰ Farrow L.A. Alexis in America: A Russian Grand Duke's Tour, 1871–1872. Baton Rouge (La.), 2014.

ний, краеведения и антропологии, а также на основе внушительного корпуса архивных и опубликованных источников, создает галерею запоминающихся образов членов американского дипломатического корпуса²¹. Эта книга задумывалась как первая в серии коллективных портретов американских дипломатов на фоне менявшегося облика Северной столицы²². Однако болезнь преждевременно прервала жизнь автора в январе 2021 г.

Обобщающей филологической работой, написанной в рамках диалогического взаимодействия культур, стала монография А.А. Арустамовой. Она насыщает свою книгу, основанную на анализе художественных и публицистических текстов, вымышленными и реальными героями, представляя палитру образов США в русском культурном континууме позапрошлого столетия, и выходит в переходное пространство конца XIX — начала XX в. через литературу русско-еврейской эмиграции и травелог²³.

Россия и США на переломе эпох: от века XIX к веку XX

Важный вклад в изучение переломного периода в истории двусторонних отношений, нижняя граница которого в Российской империи обусловлена эпохой внешнеполитической реакции в правление Александра III, а в США — началом процесса индустриализации, массовой иммиграции и переоценки ценностей, в то время как верхняя — Первой мировой войной и революциями 1917 г., внесла фундаментальная монография В.И. Журавлёвой. Эта междисциплинарная книга, написанная на основе социально-конструктивистского подхода к изучению российско-американских отношений, нацелена на комплексный анализ представлений о Российской империи, бытовавших в американском обществе в 1880–1910-е гг. Смысловой конструкцией, позволяющей ориентироваться в напластованиях исторического нарратива, вербальных и визуальных источников, коллективных и индивидуальных образов, становятся дискурсы, заданные текстом о России и обусловленные внутри- и внешнеполитической повесткой американского

²¹ Носков В.В. Американские дипломаты в Санкт-Петербурге в эпоху Великих реформ. СПб., 2018.

²² В 2019 г. в США в серии «Американцы в революционной России» вышли с комментариями В.В. Носкова воспоминания Дэвида Фрэнсиса, посла США в 1916–1918 гг. См.: *Francis D.R. Russia From the American Embassy* / Ed. and annot. by V.V. Noskov. Bloomington (Ind.), 2019.

²³ Арустамова А.А. Русско-американский диалог XIX века: историко-литературный аспект. Пермь, 2008.

общества, социокультурными традициями его развития и климатом двусторонних отношений. Особого внимания заслуживает тезис автора о том, что кардинальные изменения в восприятии России в США произошли не в связи с Октябрьской революцией, а в предыдущий период на фоне первой революции, первого кризиса, первой имиджевой войны и превращения Российской империи в конституирующего «Другого», играющего значимую роль в игре смыслов и значений американского дискурса идентичности²⁴.

Книга В.К. Шацилло, несмотря на представленный список использованных архивных и опубликованных источников и отдельные оригинальные пассажи, в смысле объяснительных схем, методологии, содержательного наполнения и принципов структурирования материала является продуктом старой историографической традиции, в США уже давно оставшейся в прошлом, а в постсоветской России, пока сохраняющей свои позиции²⁵. Применительно к характеристике российско-американских отношений периода Первой мировой войны более интересной представляется недавнее исследование Д. Райлага, в котором он демонстрирует неспособность поздней Российской империи полноценно использовать возможности американского рынка для военных нужд. Автор рассматривает проблему военных поставок с учетом взаимодействия между царской бюрократией и гражданским обществом, подчеркивая, что ни та, ни другая сила не смогла стать эффективно действующей в условиях, когда Россия была вынуждена отвечать на вызовы нового столетия²⁶.

Н. Сол опубликовал основанную на архивных источниках биографию Ч. Крейна, американского бизнесмена, филантропа и русофила, внесшего особый вклад в распространение знаний о России за океаном и становление американской русистики. Взору читателя предстает профессионально прописанный портрет не только конкретного человека, но и американского общества, а также взаимоотношений Соединенных Штатов с Россией, Китаем, Османской империей и Австро-Венгрией в то время, когда эта страна двинулись по пути превращения в мировую державу²⁷. В свою очередь, Д.М. Нечипорук в качестве предмета

²⁴ Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914. М., 2012. Заключение к третьей части выводит читателя в эпоху Первой мировой войны, а эпилог в современность, акцентируя внимание на долгосрочных трендах восприятия Российской империи, СССР, постсоветской России в США.

²⁵ Шацилло В.К. Россия и США: от Портсмутского мира до падения царизма (очерки истории отношений). М., 2019.

²⁶ Rielage D.C. Russian Supply Efforts in America during the First World War. Jefferson (N.C.), 2002.

²⁷ Saul N.E. The Life and Times of Charles R. Crane, 1858–1939: American Businessman, Philanthropist, and a Founder of Russian Studies in America. Lanham, 2012.

изучения выбрал деятельность Американского общества друзей русской свободы, которое внесло особый вклад в формирование либерально-универсалистского дискурса о России с характерной для его репертуара смыслов «новой мессианской идеей» о сопричастности США процессу российской модернизации²⁸. Всплески американских «крестовых походов» по либерализации России приходится на эпохи революционных сломов, будь то революции 1905 и 1917 гг., или распад Советского Союза.

В современной российской историографии наиболее авторитетной работой, посвященной изучению *взаимоотношений США с революционной Россией*, признана книга С.В. Листикова. Он представил многофакторный анализ «русской политики» президента В. Вильсона и его окружения с учетом существовавших на тот момент альтернатив и возможностей. Автор выстраивает свою объяснительную схему не только на основе внушительного корпуса архивных материалов, но и в диалоге с исследователями данного периода по обе стороны Атлантики²⁹.

Если говорить об американской историографии, то в последние годы внимание историков сосредоточено на изучении позиции администрации В. Вильсона в период Гражданской войны 1918–1921 гг., американской интервенции в Сибирь и на Дальний Восток³⁰. При этом те из них, которые ограничивают свое исследование характеристикой экспедиции в Сибирь, упускают истинный смысл вмешательства США в ход Гражданской войны в революционной России³¹. Однако в целом после окончания «холодной войны» в американской историографии возобладаало мнение об антибольшевистской по своей природе политике вашингтонской администрации в ту переломную эпоху. К такому выводу, например, пришли два известных американских историка Д. Дэвис и Ю. Трани, хотя их общий тезис о «первой холодной войне» при оценке политики В. Вильсона представляется дискуссионным³².

²⁸ Нечипорук Д.М. Во имя нигилизма: американское общество друзей русской свободы и русская революционная эмиграция (1890–1930 гг.). СПб., 2018.

²⁹ Листиков С.В. США и революционная Россия в 1917 году: к вопросу об альтернативах американской политики от Февраля к Октябрю. М., 2006.

³⁰ См., напр.: Willett R.L. Russian Sideshow: America's Undeclared War, 1918–1920. Wash. (D.C.), 2003; Melton C.W. Between War and Peace: Woodrow Wilson and the American Expeditionary Force in Siberia, 1918–1921. Macon (Ga.), 2001.

³¹ Toose A. The Deluge: The Great War, America and the Remaking of the Global Order, 1916–1931. N.Y., 2014.

³² Davis D.E., Trani E.P. The First Cold War: The Legacy of Woodrow Wilson in U.S.–Soviet Relations. Columbia (Mo.), 2002. Многофакторный анализ позиции вашингтонской администрации также представлен в книге: Richard C.J. When the United States Invaded Russia: Woodrow Wilson's Siberian Disaster. Lanham, 2012.

Важным вкладом в изучение имагологии двусторонних отношений в сложную эпоху войн и революций стала книжная серия «Американцы в революционной России», в рамках которой в издательстве «Slavica Publishers» под редакцией У. Уизенханта и Н. Сола переиздаются травелоги американцев, посетивших Российскую империю и Советскую Россию в 1914–1921 гг., с вводными статьями и комментариями известных историков двух стран³³. Наблюдая Русскую революцию непосредственно и опосредованно, американцы «изобретали» ее демонические и романтические образы, переживая своеобразные циклы надежд и разочарований под влиянием собственной идеологии прогресса и экспансии, видения идеального политического и социального устройства, подлинной революции, места США в мире и их роли в процессе его демократизации. Русский революционный «Другой» вписывался в различные дискурсы, обусловленные текстом о России, играя роль конституирующего в формировании коллективной и индивидуальной идентичности самих американцев. Эта серия хронологически доходит до окончания Гражданской войны и через революционную эпоху объединяет историю отношений Соединенных Штатов с досоветской и Советской Россией.

Советско-американские отношения в межвоенный период

В ряду работ, посвященных традиционной дипломатической истории между окончанием Первой мировой войны и началом Второй мировой войны, достойное место заняла вышедшая в начале XXI в. книга Г.Н. Севостьянова³⁴. В свою очередь, В.В. Позняков впервые в российской историографии представляет комплексную характеристику деятельности разведывательных спецслужб Советской России по другую сторону Атлантики. Особую ценность имеет уникальный биографический справочник разведчиков, агентов и их источников в США, Канаде и странах Латинской Америки, занимающий половину монографии³⁵. Книга известного отечественного американиста Б.М. Шпотова, признанного специалиста по истории американского бизнеса, в том числе и в контексте двусторонних отношений³⁶, рассказывает

³³ См. анонс этой серии на сайте издательства «Slavica Publishers»: Americans in Revolutionary Russia (https://slavica.indiana.edu/series/Americans_in_Revolutionary_Russia?page=2). К настоящему моменту, начиная с 2016 г., вышло уже 14 травелогов из запланированных 20.

³⁴ Севостьянов Г.Н. Москва–Вашингтон: на пути к признанию, 1918–1933. М., 2004.

³⁵ Позняков В.В. Советская разведка в Америке, 1919–1941. 2-е изд. М., 2015.

³⁶ См., например, его книгу: Шпотов Б.М. Генри Форд: жизнь и бизнес. М., 2003.

об «американском векторе» сталинской модернизации, о том, что Советская Россия не находилась в реальной экономической и научно-технической изоляции. Автор показывает, как при участии американских фирм в считанные годы воздвигали Днепрогэс, Магнитогорский металлургический комбинат, Нижегородский автозавод, создавалась авиационная, нефтяная, химическая, электротехническая промышленность. Особое место в этой монографии отводится проблеме восприятия советского эксперимента американцами в зависимости от их гендерной, расовой и социальной принадлежности, хотя автор в данном случае не идет дальше нарративного анализа³⁷.

Внимание американских исследователей в XXI в. привлекают имагологические аспекты. Они занимаются изучением отношения к Советской России американских феминисток и «левых» пацифисток, вдохновленных гендерным равноправием, установленным большевиками, или, напротив, американок консервативных взглядов, которые использовали советскую политику в области семьи и брака для критики реформаторов феминистского толка в самих США и для атак на активисток движения пацифизма³⁸.

Сложилось самостоятельное историографическое направление, нацеленное на понимание роли расового фактора в репрезентациях Советской России в США. Идет ли речь об отношении к советскому эксперименту и идеям коммунизма афроамериканцев в зависимости от их религиозных взглядов, идеологической ориентации и социального статуса³⁹, или же о значении деятельности темнокожих активистов (как тех из них, кто посещал СССР, так и тех, кто вглядывался в происходящие там события из-за океана) в формировании устойчивого противопоставления «советский интернационализм vs. американский расизм» в двусторонних отношениях⁴⁰.

В филологических работах имагология российско-американских отношений изучается сквозь призму литературных рецепций, чему посвящена книга М. Федоровой, акцентирующая внимание на образах Америки и американцев в художественных и публицистических текстах русских / советских писателей и поэтов. Двигаясь из предреволю-

³⁷ Шпотов Б.М. Американский бизнес и Советский Союз в 1920–1930-е годы: лабиринты экономического сотрудничества. М., 2013.

³⁸ Mickenberg J.L. *American Girls in Red Russia: Chasing the Soviet Dream*. Chicago, 2017; Delebard K.M. *Battling Miss Bolshevik: The Origins of Female Conservatism in the United States*. Philadelphia, 2012.

³⁹ Makalani M. *In the Cause of Freedom: Radical Black Internationalism from Harlem to London, 1917–1939*. Chapel Hill (N.C.), 2011; McDuffie E.S. *Sojourning for Freedom: Black Women, American Communism, and the Making of Black Left Feminism*. Durham (N.C.), 2011.

⁴⁰ Roman M.L. *Opposing Jim Crow: African Americans and the Soviet Indictment of U.S. Racism, 1928–1937*. Lincoln (Nebr.), 2012; Carew J.G. *Blacks, Reds, and Russians: Sojourners in Search of the Soviet Promise*. New Brunswick, 2010.

ционной эпохи в 1930-е гг., автор показывает, как формировался негативный образ Америки посредством критики расизма, бездушного материализма и экономической эксплуатации в США, как он выполнял важную роль в игре смыслов и значений советского дискурса идентичности, в то время как простые люди с удовольствием продолжали читать американскую приключенческую литературу и увлекались массовой популярной культурой заокеанского происхождения, будь то кинематограф или джаз⁴¹.

Американский историк М. Миллер посвятил свою книгу религиозной и просветительской деятельности американской Молодежной христианской ассоциации (Young Men's Christian Association), показав ее роль в установлении религиозного диалога между Востоком и Западом на территории России до революции и в оказании помощи русскому эмигрантскому сообществу после ее окончания. Центральной сюжетной линией этой написанной на основе малоизученных источников работы стал рассказ о том вкладе, который внесла американская протестантская организация в развитие православной культуры в царской России, а затем в среде беженцев от большевизма в Европе, тем самым способствуя интеграции православия в европейский культурный ландшафт. Автор обратил особое внимание на филантропическую деятельность ассоциации в период Первой мировой войны, когда она оказывала помощь военнопленным в Европе и Российской империи⁴². В то же время деятельность представителей демократических церквей в США по превращению русских в объект миссионерской деятельности по распространению протестантизма, а также роль религиозного фактора в двусторонних отношениях в целом пока еще остаются малоизученной темой⁴³. Фундаментальная книга американского исследователя Б. Патенауда, посвященная деятельности АРА (The American Relief Administration), остается лучшей в ряду написанных на эту тему, став уже хрестоматийной для всех, кто изучает гуманитарное измерение советско-американских отношений⁴⁴.

А. Эткинд опубликовал провокационную книгу о У. Буллите, знатке американской политики и первом после США в Советской России, написанную в жанре интеллектуальной биографии. В отличие

⁴¹ *Fedorova M.* Yankees in Petrograd, Bolsheviks in New York: America and Americans in Russian Literary Perception. DeKalb (Ill.), 2013.

⁴² *Miller M.L.* The American YMCA and Russian Culture: The Preservation and Expansion of Orthodox Christianity, 1900–1940. Laham, 2013.

⁴³ В последнее время этой проблеме уделяет особое внимание в своих исследованиях Д.С. Фоглесонг. См.: *Foglesong D.S.* Op.cit. P. 23–25, 35–38, 45–47, 66–72, 83–93, 149–152, 191–194, 210–213.

⁴⁴ *Patenaude B.M.* The Big Show in Bololand: The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921. Stanford, 2002.

от своих предшественников⁴⁵ автор представил историю Буллита-интеллектуала, который увлекался идеями своего времени и преодолевал их соблазны, человека, в своих взглядах объединявшего наследие американского либерализма и европейского космополитизма, критического наблюдателя, умевшего предсказывать ход событий, но не востребованного в должной мере ни своей страной, ни ее лидерами. Эта биография, помещенная в контекст времени, но, прежде всего, советско-американских отношений, не оставит читателя равнодушным, хотя автор и склонен придавать излишнее значение альтернативным версиям истории и выстраивать умозрительные объяснительные схемы, что вызывает критику профессионального исторического сообщества⁴⁶. Д. Данн представил Буллита в ряду пяти американских послов США в СССР в 1930–1940-е гг., вписав эволюцию их взглядов в сложные переплетения взаимоотношений между Ф.Д. Рузвельтом и И.В. Сталиным, а также советско-американские отношения от эпохи непризнания к союзничеству времен Второй мировой войны. При этом, как представляется, он преувеличил степень наивности Рузвельта в отношениях со Сталиным и недооценил сложность ситуации, предшествовавшей началу Второй мировой войны⁴⁷.

Когда СССР и США были товарищами по оружию

В российском дискурсе превалирует идея о решающей роли СССР, который взвалил на свои плечи основные тяготы войны и понес наибольшие потери, в победу Антигитлеровской коалиции, в американском — о том, что Россия не хочет признавать масштабы американского вклада в достижение этой цели⁴⁸. Историки и политики продолжают

⁴⁵ Среди последних изданных в США работ см.: *Casella-Blackburn M. The Donkey, the Carrot, and the Club: William C. Bullitt and Soviet-American Relations, 1917–1948*. Westport, 2004.

⁴⁶ Книга первоначально вышла на русском языке. См.: *Эткинд А.М.* Мир мог быть другим. Уильям Буллит в попытках изменить XX век. М., 2015. Позже в дополненной версии она была опубликована на английском языке. См.: *Etkind A. Roads not Taken: An Intellectual Biography of William C. Bullitt*. Pittsburgh, 2017.

⁴⁷ *Данн Д.* Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве. М., 2004. Издание на английском языке см.: *Dunn D. Caught Between Roosevelt & Stalin: America's Ambassadors to Moscow*. Lexington (Ky.), 1998.

⁴⁸ Некоторые американские авторы заходят настолько далеко, что делают вывод о решающей роли американских и британских воздушных и морских сил в сокрушении немецкой армии, подчеркивая переломное значение операции Оверлорд и игнорируя тот факт, что перелом в ходе войны был совершен СССР еще в 1943 г. под Сталинградом и Курском. См.: *O'Brien P.P.* How the War Was Won: Air-Sea Power and Allied Victory in World War II. Cambridge, 2015.

спорить о степени ответственности СССР за начало Второй мировой войны с учетом подписания пакта Молотова—Риббентропа, последующего раздела Восточной Европы и советско-финской войны⁴⁹. Тем важнее становится издание документов⁵⁰ и появление профессиональных монографий, выполненных на основе репрезентативной источниковой и историографической базы и расширяющих проблемное поле исследования темы, показывая историю с позиции обеих сторон и с различных ракурсов. Такова монография одного из ведущих российских американистов В.О. Печатнова⁵¹, в которой история советско-американских отношений, прописанная на основе внушительного корпуса источников, с использованием микроанализа и с учетом человеческого фактора, представлена сквозь призму сотрудничества и противоборства И.В. Сталина, Ф.Д. Рузвельта и Г. Трумэна. Заметным явлением в российской историографии XXI в. стали две монографии И.В. Быстровой. Первая из них выводит читателя в пространство личных контактов не только на высшем уровне, но и на уровне участников боевых действий — солдат, моряков и летчиков СССР, США и Великобритании, взаимодействовавших на маршрутах ленд-лиза и вступавших в диалог с местным населением, что приводило к взаимному открытию друг друга. Интеграция в текст многочисленных источников личного происхождения позволила автору превратить его в увлекательное чтение, обогащающее наше знание о разных сторонах сотрудничества в рамках Антигитлеровской коалиции⁵². Вторую монографию И.В. Быстровой можно считать новейшим исследованием, посвященным ленд-лизу, в котором на основе недавно рассекреченных документов показан процесс организации и практического воплощения американской программы поставок в СССР с особым акцентом на деятельность советской Правительственной закупочной комиссии в США. Автор показала огромную роль ленд-лиза в победе Антигитлеровской коалиции⁵³.

⁴⁹ Из последних американских публикаций об ответственности Сталина и его планах по установлению мирового господства см.: *McMeekin S. Stalin's War: A New History of World War II*. N.Y., 2021.

⁵⁰ См., напр.: Советско-американские отношения, 1939—1945 / Под ред. Г.Н. Севостьянова. М., 2004; «Аляска—Сибирь—Фронт»: История легендарной авиатрассы: Документы. Комментарии. Воспоминания. 1942—1945. М., 2005.

⁵¹ *Печатнов В.О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: документальные очерки. М., 2006.

⁵² *Быстрова И.В.* Поцелуй через океан: «Большая тройка» в свете личных контактов (1941—1945 гг.). М., 2011.

⁵³ *Быстрова И.В.* Ленд-лиз для СССР. Экономика, техника, люди (1941—1945). М., 2019. При этом необходимо учитывать серьезные расхождения в цифрах, существующие в научной литературе и связанные с методикой подсчета объема поставок.

Проблема ленд-лиза не теряет своей актуальности ни в российской, ни в американской историографии⁵⁴, так же как и особый вклад Голливуда в союзничество времен Второй мировой войны. Последний сюжет остается в центре внимания прежде всего американских историков. М.Т. Беннет в своей монографии переосмысливает дипломатическую историю Второй мировой войны, превращая Голливуд в реальную силу по продвижению идеи объединенных наций и концепции интернационализма. Автор наглядно демонстрирует, как США, Великобритания, Советский Союз и Китай целенаправленно использовали голливудскую индустрию для позиционирования единства стран Антигитлеровской коалиции, несмотря на существовавшие идеологические и политические различия⁵⁵.

Еще один подход к изучению союзничества в рядах Антигитлеровской коалиции продемонстрировал Ф. Костиглиола в своей работе, посвященной политике Ф.Д. Рузвельта в годы Второй мировой войны и написанной в рамках изучения эмоций (emotional studies). Подчеркивая огромную роль, которую личностный фактор играл во взаимоотношениях СССР, США и Великобритании как в ходе Второй мировой войны, так и при переходе от войны к миру, автор приходит к выводу, что «холодная война» не была неизбежной. По его мнению, если бы Рузвельт прожил дольше, а Черчилль не потерпел поражение на выборах, то можно было бы осуществить переход к миру под руководством «Большой тройки». Костиглиола возлагает основную вину за развязывание «холодной войны» на чиновников США и Великобритании, поскольку после смерти Рузвельта в этих странах возобладала политика по исключению СССР из числа равноправных партнеров, что затрудняло возможность послевоенного сотрудничества. При этом автор признает определенные просчеты и за И.В. Сталиным (изоляция иностранных дипломатов, журналистов и офицеров военных миссий)⁵⁶.

⁵⁴ Из последних публикаций см.: *Weeks A.L.* Russia's Life-Saver: Lend-Lease Aid to the U.S.S.R. in World War II. Lanham, 2004; *Walling M.G.* Forgotten Sacrifice: The Arctic Convoys of World War II. N.Y., 2012.

⁵⁵ *Bennett M.T.* One World, Big Screen: Hollywood, the Allies, and World War II. Chapel Hill (N.C.), 2012.

⁵⁶ *Costigliola F.* Roosevelt's Lost Alliances: How Personal Politics Provoked the Cold War. Princeton; Oxford, 2012.

История советско-американских отношений в период «холодной войны»

Современный международный кризис создал благоприятные условия для возникновения новых биполярностей и разграничительных линий на глобальном и региональном уровнях. Старые метафоры и образы времен «холодной войны» становятся востребованными сегодня и формируют репертуары смыслов новых общественно-политических дискурсов. В такой ситуации обращение к опыту «холодной войны» представляет не только академический, но и политический интерес. Идет ли речь о значении межгосударственного диалога для снижения уровня конфронтации и роли гражданской дипломатии в наведении мостов сотрудничества или об осознании опасности нагнетания истерии и медийной «войне образов». Рассекречиваются, публикуются и оцифровываются архивные коллекции⁵⁷, иницируются новые международные проекты, создаются сайты визуальных источников, которые могут быть использованы в научных и в образовательных целях⁵⁸. Исследователи пишут книги о том, как преподавать историю «холодной войны» с применением новых методов и подходов, с учетом национальных интерпретаций и смены поколений, представленных в студенческой аудитории⁵⁹.

Происхождение «холодной войны»⁶⁰, равно как и завершающий ее этап с характерными для него разноуровневыми и разнонаправленными тенденциями, а также внешняя политика СССР, США и вовлеченных в орбиту их влияния держав вызывают особый исследовательский интерес сегодня⁶¹. Важным вкладом в понимание сложного перепле-

⁵⁷ Среди публикаций рассекреченных документов можно назвать, например, см.: *At Cold War's End: United States Intelligence on the Soviet Union and Eastern Europe, 1989–1991* / Ed. by B.B. Fisher. Central Intelligence Agency, 1999. Примером создания оцифрованных архивов, доступных исследователям, является проект Международного центра Вудро Вильсона. См.: *End of the Cold War* // Wilson Center. Digital Archive. International History Declassified (<https://digitalarchive.wilsoncenter.org/collection/37/end-of-the-cold-war>).

⁵⁸ См., напр.: *A Visual Guide to the Cold War* (<https://coldwar.unc.edu/>).

⁵⁹ В данном случае особый интерес представляет коллективная монография, посвященная преподаванию истории «холодной войны» и подготовленная профессорами американских и европейских университетов. См.: *Understanding and Teaching the Cold War* / Ed. by M. Masur. Madison (Wis.), 2017.

⁶⁰ *Levering R.B., Pechatnov O.V., Botzenhart-Viehe V., Edmondson C.E. Debating the Origins of the Cold War: American and Russian Perspectives*. Lanham, 2002.

⁶¹ Среди наиболее авторитетных публикаций, посвященных окончанию «холодной войны», см.: *English R. Russia and the Idea of the West: Gorbachev, Intellectuals, and the End of the Cold War*. N.Y., 2000; *Grachev A. Gorbachev's Gamble: Soviet Foreign Policy, and the End of the Cold War*. Cambridge, 2008; *Zubok V. A Failed Empire: The Soviet Union*

тения внутренних и международных факторов становятся работы тех, кто был непосредственным участником процесса завершения «холодной войны»⁶².

Новейшая историография советско-американских отношений эпохи «холодной войны» безбрежна. Учитывая ограниченный объем статьи и наличие комплекса историографических публикаций⁶³, специализированного журнала «Journal of Cold War Studies», который регулярно публикует рецензии⁶⁴, имеет смысл указать на основные направления в изучении истории советско-американских отношений периода 1945–1991 гг. в США и России в нынешнем столетии и наметить перспективы исследований. В последние десятилетия многие авторитетные американские историки признали тот факт, что именно идеологии как совокупности идей, ценностей и мифов, определяющих мировосприятие, оказывали влияние на процесс принятия политических решений в период «холодной войны», призывая заняться более тщательным изучением ее идейного измерения, того, как шла война за умы и сердца людей по всему миру, кто и почему в ней победил. В своей написанной в духе постревизионизма краткой истории «холодной войны» один из мэтров в изучении внешней политики США и российско-американских отношений Дж. Гэддис представил ее ход сквозь призму взаимодействия политики и идеологии, с учетом изменений, происходивших не только в политической сфере, но и в социальной, в том, как общество воспринимало себя и мир за пределами своих национальных границ⁶⁵.

Однако, несмотря на то, что идеологический конфликт, осмысленный в рамках противопоставлений: капитализм vs. социализм, либерализм vs. коммунизм, протестантизм и католицизм vs. атеизм, зародился задолго до 1945 г., большинство исследователей ведут его отсчет

in the Cold War from Stalin to Gorbachev. Chapel Hill (N.C.), 2008; *Idem*. Collapse: The Fall of the Soviet Union. New Haven (Conn.), 2021; *Wilson J.G.* The Triumph of Improvisation: Gorbachev's Adaptability, Reagan's Engagement, and the End of the Cold War. Ithaca (N.Y.), 2014.

⁶² Среди наиболее показательных в данном отношении публикаций стоит назвать книгу последнего посла США в СССР Дж. Мэтлока (*Matlock J.F.* Reagan and Gorbachev: How the Cold War Ended. N.Y., 2004) и ветерана внешнеполитического службы США Л. Селла (*Sell L.* From Washington to Moscow: US-Soviet Relations and the Collapse of the USSR. Durham (N.C.), 2016), а также историка и политика, помощника М.С. Горбачева по международным вопросам А.С. Черняева (Черняев А.С. Совместный исход: дневник двух эпох, 1972–1991 годы. М., 2008).

⁶³ См., напр.: *Westad O.A.* Reviewing the Cold War: Approaches, Interpretations, Theory. London, 2000; *Palgrave Advances in Cold War History* / Ed. by S.R. Dockrill, G. Hughes. N.Y., 2006.

⁶⁴ The Journal of Cold War Studies. Home page (<https://direct.mit.edu/jcws>).

⁶⁵ *Gaddis J.L.* The Cold War: A New History. N.Y., 2005.

лишь с 1945 г., когда по обе стороны Атлантики сформировался достаточно цельный образ врага № 1, значимый для пропаганды преимуществ собственной системы⁶⁶.

Своими мыслями о «холодной войне» Гэддис продолжает делиться с научным сообществом и на страницах биографии Дж.Ф. Кеннана — человека, неразрывно связанного с ее историей. Гэддис в своем мемуальном труде мастерски описывает жизнь Кеннана полную иронии, противоречий и парадоксов, чем она, собственно, и привлекает биографов этого дипломата, ставшего историком и неизменно верившим в свою историческую значимость⁶⁷. Принстонский университет открыл доступ для исследователей к сотням коробок архивных материалов и инициировал проект под руководством еще одного авторитетного американского исследователя внешней политики США Ф. Костиглиолы. Его результатом стала публикация дневников Кеннана⁶⁸, самого обширного на сегодняшний день описания жизни Америки XX в., по справедливому замечанию Гэддиса.

Среди последних работ, опубликованных в России, стоит обратить внимание на монографию И.В. Быстровой, в которой история «холодной войны» представлена сквозь призму противостояния военно-промышленных комплексов СССР и США⁶⁹. Изучением «холодной войны» в Арктике продолжает заниматься М.Н. Супрун, регулярно организующий международные конференции и выпускающий под своей редакцией сборники статей российских и зарубежных исследователей⁷⁰. В последние десятилетия в России выходят учебные и научные издания, как, например, учебное пособие Н.И. Егоровой, долгое время возглавлявшей сектор по изучению «холодной войны» ИВИ РАН⁷¹, и обобщающая монография В.А. Кременюка. Он пытается ответить на три базовых вопроса: почему «холодная война» не переросла в «горячую», каким образом закончилась война, к чему это привело⁷².

Имагология советско-американских отношений, а также культурная и научная дипломатия остаются в центре внимания историков на Западе вообще и в США в частности. Изучению того, как американский и советский экран становился одним из пропагандистских фронтов «холодной войны» посвящено совместное компаративное

⁶⁶ См., напр.: *Leffler M.P.* For the Soul of Mankind: The United States, the Soviet Union, and the Cold War. N.Y., 2007.

⁶⁷ *Gaddis J.L.* George F. Kennan: An American Life. N.Y., 2011.

⁶⁸ *Kennan G.F.* The Kennan's Diaries / Ed. by F. Costigliola. N.Y., 2014.

⁶⁹ *Быстрова И.В.* Холодная война 1945–1960 гг. Токио—Москва—Вашингтон. М., 2009.

⁷⁰ Холодная война в Арктике / Под ред. М.Н. Супруна. Архангельск, 2009.

⁷¹ *Егорова Н.И.* История холодной войны, 1945–1991. Владимир, 2011.

⁷² *Кременюк В.А.* Уроки холодной войны. М., 2015.

исследование Т. Шо и Д. Юнгблюд⁷³. Эта работа, как и другие публикации авторов, стали уже в своем роде классикой для всех, кто занимается изучением культурной истории биполярного противостояния⁷⁴.

Р. Магнусдоттир на основе материалов российских архивов, источников личного происхождения и визуальных текстов убедительно показала, как в начальный период «холодной войны» советская пропаганда конструировала образ врага № 1 в качестве «темного двойника» США, того, кого на английском языке принято называть «frenemies», т.е. противоположности Себя, необходимой для построения Я-концепции. При этом авторская объяснительная схема теряет свою убедительность при переходе от производства пропаганды к ее распространению. За границей исследовательского интереса остается аудитория-реципиент как таковая, ее восприятие пропаганды, сопротивление антиамериканизму внутри самого общества и в среде интеллектуалов⁷⁵.

Д. Файнберг посвятила свою работу изучению той роли, которую играли американские и советские журналисты в распространении ценностей и идеалов времен «холодной войны», будучи в рядах тех, кто имел возможность оказаться по другую сторону «железного занавеса». Автор написала захватывающую, основанную на интервью и иных первоисточниках, историю о формировании образов советского/американского «Другого», становившихся результатом столкновения двух правд, двух систем и профессиональных подходов в эпоху биполярного противостояния, и превращало корреспондентов в активных участников процесса конструирования идентичности⁷⁶.

Одной из недавних удачных попыток создания обобщающего исследования по «холодной войне» можно считать книгу молодой американской исследовательницы Дж. Хадсон. На основе публицистических работ современников, газетных статей и редакционных колонок, художественных и документальных фильмов, официальных документов и воспоминаний она показывает, как на каждом этапе «холодной войны» происходило дипломатическое и интеллектуальное взаимодействие СССР и США, работала культурная и гражданская дипломатия, которая расширяла знание и понимание «Другого» и создавало

⁷³ Shaw T., Youngblood D. *Cinematic Cold War: The American and Soviet Struggle for Hearts and Minds*. Lawrence (Kans.), 2010.

⁷⁴ Shaw T. *Hollywood's Cold War*. Amherst (Mass.), 2007.

⁷⁵ Magnúsdóttir R. *Enemy Number One: The United States of America in Soviet Ideology and Propaganda, 1945–1959*. N.Y., 2019.

⁷⁶ Fainberg D. *Cold War Correspondents: Soviet and American Reporters on the Ideological Frontlines*. Baltimore (Md.), 2021.

дополнительные возможности для сотрудничества, несмотря на биполярное противостояние⁷⁷.

Среди перспективных тематических направлений в изучении «холодной войны» в целом и ее окончания в частности необходимо назвать гражданскую дипломатию⁷⁸. В ряду последних публикаций можно назвать книгу Г.С. Шера, в течение 20 лет координировавшего советско-американские научные обмены в США на базе Национального научного фонда (The National Science Foundation)⁷⁹. Подобные работы выводят изучение «холодной войны» на иной уровень, делая ее картину более стереоскопической и высвечивая тенденции, не вписывающиеся в упрощенные схемы биполярного противостояния⁸⁰.

Наиболее продуктивным подходом к созданию комплексных исследований истории «холодной войны», как обобщающих, так и посвященных ее различным этапам, представляется подготовка коллективных монографий российских и американских ученых⁸¹.

Междисциплинарная по своему характеру тема, находящаяся на стыке истории российско / советско-американских отношений, социологии науки и культурной антропологии, в XXI в. привлекла, наконец, пристальное внимание исследователей. Прежде всего речь идет о книге Д. Энгермана, написанной на основе более чем 100 архивных коллекций и интервью с американскими учеными. Автора интересует ответ на вопрос о том, как на начальном этапе «холодной войны» обеспокоенность США биполяризацией мира повлияла на развитие советологии в крупнейших американских университетских центрах и привела к взаимодействию между правительством и академической наукой по подготовке экспертов, имевших корректные представления о реалиях и перспективах развития Советского Союза. Делая предметом рефлексии процесс становления и развития советологии как

⁷⁷ Hudson J.M. *Iron Curtain Twitchers: Russo-American Cold War Relations*. Lanham (Md.), 2019.

⁷⁸ См., напр.: *Evangelista M. Unarmed Forces: The Transnational Movement to End the Cold War*. Ithaca (N.Y.), 1999; *Snyder S.B. Human Rights Activism and the End of the Cold War: A Transnational History of the Helsinki Network*. N.Y., 2011.

⁷⁹ Sher G.S. *From Pugwash to Putin: A Critical History of US–Soviet Scientific Cooperation*. Bloomington (Ind.), 2019.

⁸⁰ Mackenzie R. *When Stars and Stripes Met Hammer and Sickle: The Chautauqua Conferences on U.S.–Soviet Relations, 1985–1989*. Columbia (S.C.), 2006; Voorhees J. *Dialogue Sustained: The Multilevel Peace Process and the Dartmouth Conference*. Wash. (D.C.), 2002; *Makarov D.V. et. al. When Citizens Deliberate: Russian and American Citizens Consider Their Relationship*. Dayton (Ohio), 2006.

⁸¹ Окончание холодной войны в восприятии современников и историков / Под ред. В.И. Журавлевой, О.В. Павленко. М., 2021.

академической и экспертной области, рассказывая о ее взлетах и падениях, Энгерман демонстрирует, что она никогда не сводилась к единственной интерпретации СССР и не превращалась в простое идеологическое оружие в руках делателей внешней политики в США. Созданная Энгерманом история людей, идей и институций стала своеобразным эталоном того, как надо писать работы по данной проблематике, совмещая корректное использование репрезентативной источниковой базы и четкую аргументацию всех положений авторской схемы с беспристрастностью исследовательской позиции, не подверженной политической конъюнктуре⁸².

Этого нельзя сказать о книгах историка-эмигранта С.И. Жука. С одной стороны, его книги вносят вклад в изучение данной проблематики, интересны представленными в них материалами из архивохранилищ России и Украины, междисциплинарностью и многообразием контекстов, в которые вписаны истории советских и украинских американистов — дипломатических, социокультурных, академических, экспертных. С другой стороны, вызывает критику, во-первых, некорректное обращение с первичными и вторичными источникам (будь то интерпретация архивных материалов и придание статуса законченного текста отрывочным заметкам и воспоминаниям Н.Н. Болховитинова, оказавшимся в распоряжении автора; или интервью с ушедшими из жизни учеными, практически дословно доказывающие тезисы автора; или ссылки на работы других исследователей, якобы подтверждающих авторские идеи, но на самом деле пишущих об ином); во-вторых, стремление зачастую бездоказательно записывать тех или иных советских американистов в сотрудники КГБ СССР, что становится одной из центральных идей работ Жука вообще; в-третьих, столь же политически ангажированная попытка подчеркнуть пренебрежительное отношение московских американистов к украинским⁸³.

Сквозное видение процесса становления американской русистики / советологии предложили американские историки Д.Э. Дэвис и Ю.П. Трани в своей книге об отношениях США с Россией и Китаем в XX в. В рамках данной проблематики их интересует вопрос об изучении других стран и народов в США применительно к формированию образов внешнего мира. Они уделяют особое внимание вкладу российских ученых-эмигрантов в процесс развития русистики, а за-

⁸² Engerman D.C. *Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts*. N.Y., 2009.

⁸³ Zhuk S.I. *Nikolai Bolkhovitinov and American Studies in the USSR: People's Diplomacy in the Cold War*. Lanham (Md.), 2017; *Idem*. *Soviet Americana: The Cultural History of Russian and Ukrainian Americanists*. London, 2018.

тем и советологии в американских университетах⁸⁴, показывая, как эти беженцы из Советской России понесли в студенческие аудитории свое послание, одновременно антицаристское и антибольшевистское и способствовали формированию определенного видения того, что происходило в Советской России, у своих слушателей⁸⁵.

Столь же сквозной характер имеет тема *эмиграции из Российской империи / СССР / постсоветской России в США*, т.е. то, что в широком плане связано с историей Русского Зарубежья. В XXI в. продолжают выходить обобщающие работы, в которых представлена характеристика различных волн эмиграции⁸⁶, а также биографические справочники⁸⁷, научные и популярные биографии выдающихся танцоров и балетмейстеров, инженеров и ученых, писателей и поэтов, рассказывающие о том, как русская и советская культура, изобретательская мысль и научные достижения в различных сферах становились предметом экспорта в США⁸⁸. Это история об общем прошлом русских и американцев, о том, как и почему Россия теряла таланты, научные и технологические кадры, инициативных и мотивированных работников, а Соединенные Штаты этим богатством прирастали.

Грани изучения отношений США с постсоветской Россией: на пересечении политологии и истории

Ограничимся несколькими общими замечаниями, не претендуя на всеобъемлющий анализ, поскольку эта история еще не стала предметом

⁸⁴ В России исследование в данной области опубликовал Н.Н. Болховитинов. См.: Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005.

⁸⁵ Davis D.E., Trani E.P. Distorted Mirrors. Americans and Their Relations with Russia and China in the 20th Century. Columbia (Mo.), 2009. Издание книги на русском языке см.: Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. Кривые зеркала: США и их отношения с Россией и Китаем в XX веке. М., 2009.

⁸⁶ См., напр.: Нутобург Э.Л. Русские в США: история и судьбы, 1870–1970: этно-исторический очерк. М., 2005; Kishinevsky V. Russian Immigrants in the United States: Adapting to American Culture. N.Y., 2004; Puffer Sh., McCarthy D., Satinsky D.M. Hammer and Silicon: The Soviet Diaspora in the U.S. Innovation Economy – Immigration, Innovation, Institutions, Imprinting, and Identity. Cambridge, 2018.

⁸⁷ См., напр.: Александров Е.А. Русские в Северной Америке: биографический словарь. Хэмден, Сан-Франциско, Санкт-Петербург, 2005.

⁸⁸ См., напр.: Hohman V.J. Russian Culture and Theatrical Performance in America, 1891–1933. N.Y., 2011; Libbey J.K. Alexander P. de Seversky and the Quest for Air Power. Wash. (D.C.), 2013; Beahm G. The Google Boys: Sergey Brin and Larry Page in Their Own Words. Chicago, 2014; Lobenthal J. Wilde Times: Patricia Wilde, George Balanchine, and the Rise of New York City Ballet. Lebanon (N.H.), 2016; Zelensky N. Performing Tsarist Russia in New York: Music, Emigres, and the American Imagination. Bloomington (Ind.), 2019.

чисто академической рефлексии, будучи напрямую связана с политической. В репрезентациях многих российских и американских экспертов и политологов, публицистов и журналистов, государственных и общественных деятелей другая страна позиционируется как угроза национальным интересам и одновременно как удобный объект для сравнения с целью подчеркнуть преимущества собственной модели развития и позиции в мире, что становится основой для прикладной русофобии или антиамериканизма. При этом одни апеллируют к универсальным либеральным ценностям, противопоставляя демократию и свободу в США автократии и полицейскому государству в постсоветской России, а другие – к национально-консервативным ценностям, противопоставляя международной вседозволенности США и их лицемерному либерализму идею защиты национальных интересов, государственно-го суверенитета и реализма.

Для лучшего понимания современных российско-американских отношений необходимо написание работ, акцентирующих внимание на разнице подходов, которая объясняется с использованием концептуальной пары «Я – Другой», на понимание того, почему для игры во внутреннюю политику в Соединенных Штатах и России по-прежнему столь активно используется соответственно российская или американская карта⁸⁹.

Политологи и эксперты предлагают различные интерпретации результатов российско-американских отношений в 1990-е гг. В США это оказывается напрямую связано со стремлением поддержать республиканскую или демократическую администрацию⁹⁰, в то время как известные американские русофилы-постревизионисты склонны обвинять и тех и других в ущербной политике в отношении постсоветской России⁹¹. В свою очередь, в среде российских экспертов и политологов, журналистов и публицистов немало тех, кто склонен обвинять США в развале СССР, а Б.Н. Ельцина в предательстве национальных интересов в угоду прозападной политике.

Однако для объяснения причин реального провала программы американской экономической помощи 1990-х гг., о которой достаточно

⁸⁹ Среди лучших работ на эту тему см.: *Баталов Э.Я., Журавлева В.Ю., Хозинская К.В.* «Рычащий медведь» на «диком Востоке» (Образы современной России в работах американских авторов: 1992–2007). М., 2009 (прежде всего, разделы, написанные Э.Я. Баталовым); *Tsygankov A.* The Dark Double: US Media, Russia, and the Politics of Values. N.Y., 2019.

⁹⁰ Две противоположные позиции см.: U.S. Congress, Speaker's Advisory Group on Russia. *Russia's Road to Corruption: How the Clinton Administration Exported Government Instead of Free Enterprise and Failed the Russian People.* Wash. (D.C.), 2000; *Talbott S.* The Russia Hand: A Memoir of Presidential Diplomacy. N.Y., 2002.

⁹¹ *Cohen S.F.* Failed Crusade: America and the Tragedy of Post-Communist Russia. N.Y., 2000; *Reddaway P., Glinski D.* The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism Against Democracy. Wash. (D.C.), 2001.

взвешенно и разнопланово рассказал в своей книге С.Ю. Шенин⁹², следует отказаться от заговорщической идеи, будто США стремились максимально ослабить (а если повезет, и разрушить) Россию как потенциального геополитического соперника. На самом деле, как представляется, российская стратегия вашингтонской администрации была нацелена не на максимальное ослабление и тем более дезинтеграцию бывшего соперника, по-прежнему владевшего ядерным оружием, а на контролируемую и управляемую интеграцию. При этом США вели себя так, будто знали ответы на все вопросы, касавшиеся развития мира после окончания «холодной войны», а на правительственном, экспертном и медийном уровнях сформировался консенсус по поводу того, что постсоветская Россия должна была встать на путь демократии и создания свободного рынка по американскому сценарию.

Важен откровенный разговор между учеными двух стран и продолжение работы в рамках совместных проектов и коллективных монографий, где можно было бы обобщить достижения национальных историографических школ не только на уровне монографической, но и статейной литературы и наметить перспективы дальнейших исследований.

⁹² Шенин С.Ю. Возвращение в Россию: стратегия и политика американской помощи (1990-е гг.). СПб., 2008.